

В своей рубрике «Уроки истории» мы предлагаем нашим читателям ознакомиться с книгой Владимира Слабуки «95 лет органам безопасности на Камчатке: события и судьбы», выпущенной издательством «Русский остров» (г. Владивосток).

Деятельность органов безопасности на Камчатке неразрывно связана с историей полуострова – северо-восточного форта России. Близость границы накладывает свой отпечаток. Рассказывая о службе чекистов, автор раскрывает подробности событий, в разные годы происходивших на полуострове. Большая их часть не была известна даже историкам-краеоведам. Сборник очерков, написанных живым и понятным языком, наверняка заинтересует жителей Камчатского края.

Фрагменты книги, относящиеся непосредственно к истории Камчатского полуострова, мы публикуем на страницах нашей газеты.

(Продолжение. Начало в № 22 (200) от 11.07.2018, № 23 (201) от 18.07.2018), № 25 от 01.08.2018, № 26 от 08.08. 2018)

Глава 4

В «окопах тыла» ковалась Гитлеру могила

Накануне празднования 70-летия Победы нашего народа в Великой Отечественной войне, весной 2015 года, списки погибших у подножия памятника освободителям Курильских островов в Петропавловске пополнились именами Алексея Кайдалова и Николая Скопинцева – сотрудников УНКГБ по Камчатской области. Они в составе специальной диверсионной группы, насчитывавшей 26 человек, вместе с передовым отрядом десанта высадились на Шумшу ранним утром 18 августа 1945 года.

По оперативным документам диверсионная группа проходит как взвод УНКГБ по Камчатской области. Возглавлял его старший лейтенант Иван Колчеманов. После того как офицера, дважды раненого, эвакуировали с острова Шумшу на госпитальное судно, командование взводом принял лейтенант Иван Каширников.

Он станет одним из тех, чьими жизнями мы заплатили за освобождение Северных Курил.

В десантной операции погибнут еще два бойца диверсионной группы – Алексей Кайдалов и Николай Скопинцев. Последний скончается от ран уже в Петропавловске-Камчатском. Но если имя Ивана Каширникова войдет в списки погибших, правда, по ошибке – как командира истребительного отряда, который непосредственного участия в боях не принимал, то о других погибших чекистах на долгие годы забудут. Их имена вернулись потомкам благодаря поисковой работе отдела кадров и группы программ содействия УФСБ России по Камчатскому краю.

Они же смогли установить десятки фамилий сотрудников Управления, которые принимали активное участие в Великой Отечественной войне как в составе подразделений, выполнявших специальные задачи на нашей территории и в тылу противника, так и сражавшихся в частях и соединениях действующей армии. О некоторых из камчатских чекистов-фронтовиков рассказано выше.

По неполным подсчетам, общее число сотрудников Управления, принимавших участие в Великой Отечественной и советско-японской войнах, приближается к шестидесяти. Следует также учитывать сотни пограничников полуострова, направленных в действующую армию. Среди тех, кто служил в органах и войсках ОГПУ-НКВД на Камчатке, высокого звания Героя Советского Союза в годы Второй мировой войны удостоены девять человек. Поисковая работа продолжается...

Об участии диверсионной группы УНКГБ по Камчатской области в Курильском десанте вскоре после завершения операции не упоминали из соображений секретности, а затем просто забыли. Перед ней стояли задачи уничтожения коммуникаций, складов и огневых точек противника, захват маяка на северной оконечности острова Шумшу и ряд других. После выполнения боевого задания чекисты оказывали помощь подразделениям

передового отряда десанта в отражении японских контратак.

О некоторых чекистах диверсионной группы рассказывает Василий Акшинский в известной книге «Курильский десант». Но он, то ли не зная, то ли из соображений цензуры, называет их бойцами истребительного батальона. В эту категорию у Василия Акшинского попадают призванные из запаса накануне боевых действий в диверсионное подразделение УНКГБ Степан Накул и Аркадий Матусевич. В состав взвода входили и кадровые сотрудники органов безопасности. Кроме командования подразделения – Василий Ляпунов, Сергей Решетников и другие.

Есть одно важное обстоятельство, которое позволяет утверждать, что взвод УНКГБ поставленные перед ним задачи выполнил успешно. Всех без исключения офицеров, сержантов и рядовых подразделения наградили орденами. Пять человек – Отечественной войны I и II степеней, остальных – Красной Звезды.

Других таких орденосных подразделений история Курильской десантной операции не знает. Успешные действия взвода УНКГБ обусловлены высокой профессиональной подготовкой личного состава.

Занятия с его постоянным и приписным составом, который комплектовался из бывших сотрудников и военнослужащих органов и войск НКГБ-НКВД-ОГПУ, проводились с начала войны. За подготовку диверсионной группы, предназначавшейся для выполнения специальных задач в случае захвата Камчатки японцами, отвечали лейтенанты Николай Кокорев и Николай Двойченко.

Сотрудникам УНКВД-УНКГБ области вплоть до лета 1943 года приходилось заниматься комплектованием истребительных батальонов, формированием партизанских отрядов и созданием тайных баз для них в преддверии возможной оккупации Японией полуострова.

В существовании планов нападения южного соседа на Советский Союз сомневаться не приходится. Международный военный трибунал для Дальнего Востока, проходивший в Токио в 1946-1948 годах, представил убедительные доказательства подготовки Японией войны против СССР.

В Советском Союзе, подвергшемся агрессии фашистской Германии, нападения Японии не исключали еще в 1941 году. В Москве вплоть до декабря не знали, что в Токио победили сторонники удара по США как главной помехе гегемонистским устремлениям Японии в Азии. К тому же опыт Халхин-Гола, где Красная армия сумела разгромить имперские войска вдали от своих границ, не позволял Токио надеяться, что вторжение в СССР окажется легкой прогулкой. Территориальные приращения за счет Советского Союза решили оставить на потом, когда Германия одержит победу и русский Дальний Восток сам упадет в руки японцев, «как плод спелой хурмы».

Своей радости подданные микадо, трудившиеся на Камчатке, по поводу агрессии Берлина и его союзников против СССР не скрывали. В ряде прибрежных поселков и сел области – в Усть-Камчатске, Усть-Большерецке и других населенных пунктах, расположенных вблизи японских рыболовных концессий, о начале войны с Германией узнали от представителей администраций японских заводов и промыслов еще до официального сообщения Советского правительства о вторжении фашистов. По лицам японцев, источавшим улыбки, легко угадывалась радость, обуревавшая подданных микадо. Скоро им предстоит узнать, чем обернется для Нихон Коку (Самоназвание Японии, состоящее из двух иероглифов, переводится как «Восход солнца» – **Авт.**) развязанная империей агрессия, но пока они с большим энтузиазмом готовились к покорению соседей-варваров.

19 августа 1941 года на имя заместителя наркома внутренних дел Союза ССР – начальника Главного управления государственной безопасности В. Н. Меркулова поступает телеграмма. В ней сообщается о регулярном проведении с рабочими японских концессионных рыбалок на Камчатке занятий по боевой подготовке. Из докладной записки старшего лейтенанта госбезопасности И. Фильченко можно узнать подробности этих занятий: «Младший инспектор рыбнадзора, обслуживающий 705-ю японскую базу, рассказал начальнику Ичинского погранпоста лейтенанту Марулину, что вся прибрежная полоса была изрыта, но засыпана, и видны следы сырой гальки.

5 августа Марулин и наш оперработник пошли с утра в секрет к базе № 705 и залегли в кустах, в 400 метрах от базы. В 6 часов утра на базе был подъем рабочих. По свисткам рабочие быстро выстраивались в два отделения по 20-30 человек (рабочие были не все) и после объяснения задачи с бамбуковыми пал-ками стали проводить военную игру: короткими перебежками наступать, ока-пываться и т.д. Игра продолжалась более часу. Затем приступили к работе».

Администрация японских заводов и баз с началом войны постаралась до максимума ограничить общение рабочих с представителями советских контрольных органов и сама в официальной обстановке вела себя предельно корректно. Большевецкая рыбоохранная инспекция, завершая сезон 1941 года, отмечала: «Взаимоотношения рыбопромыслового надзора с должностными лицами японских промыслов в истекшем году были строго деловые, случаев некорректного поведения не было, а также не наблюдалось случаев нетактичного или вызывающего поведения со стороны доверенных и переводчиков, наоборот, подчеркивалась изысканная вежливость, чувствовалось, что дело без специального инструктажа не обошлось».

Такая картина являлась внешней стороной взаимоотношений между советскими и японскими представителями. Органы государственной безопасности оперировали другой информацией.

[...]

С 1943 года Япония, испытывавшая в войне с США и их союзниками все большие трудности, уже не располагала достаточными трудовыми ресурсами, позволяющими ей работать на концессиях с прежним размахом. В метрополии и на оккупированных территориях дефицит рабочей силы восполнялся за счет военнопленных, в основном, китайцев. Понятно, что к этому способу в Советском Союзе японцы прибегнуть не могли, а поэтому оказались вынужденными сворачивать производство на концессиях.

[...]

В Усть-Камчатске в 1942 году японцы появились 27 мая. Пароходы с рабочими и администрацией сопровождали два эсминца императорского флота. Военные корабли подошли первыми около 6 часов утра и остановились у кромки советских территориальных вод. Около полудня появился первый грузовой пароход. Он подошел к заводу № 39. Получив от пограничной заставы разрешение на оформление пассажиров и грузов, судно ушло к заводу № 36. К 17 часам подошел второй пароход. На нем находились администрация, рабочие и грузы для двух заводов.

Японцы вели себя с советскими представителями заносчиво и грубо. Заносчивости

японцев удивляться не приходилось. Их стиль поведения определяли неудачи Красной армии на советско-германском фронте и их собственные успехи на Тихоокеанском театре военных действий.

Еще одной характерной особенностью путины 1942 года явилось наличие среди рабочих большого количества крепких этнических японцев призывного возраста. Обычно промысловые фирмы для работы на концессиях в Советском Союзе использовали корейцев, айнов, маньчжур с пятью десятками лет за плечами. Из приехавших в 1942 году на западное побережье 11876 японских рабочих и служащих 70 процентов составляли мужчины в возрасте от 19 до 42 лет.

Прибывшие в личных вещах прятали армейскую униформу, но без знаков различия. По рассказам переводчика 705-й базы Кацуюки и его коллеги с 12-го завода Аими, перед отправкой на Камчатку администрация концессионных промыслов от директора-распорядителя фирмы «Ничиро» получила весьма характерное наставление: «Помните, что вам, возможно, предстоит выполнить великую миссию, которая возложена на наш великий народ, – добиться закрепления своих законных прав на Камчатке. И если вас призовет великий Ниппон, то вы так же храбро, как и наши герои в борьбе с английскими торгашами, должны отдать свою кровь во имя восстановления нового порядка в Азии».

[...]

На некоторых заводах четырежды в неделю проводились занятия по боевой подготовке. Японцы тренировались в бросках учебных гранат на дальность и точность, вооружаясь палками вместо винтовок, отрабатывали приемы штыкового боя и тактические действия в составе пехотного отделения, преодолевали полосы препятствий.

Всех сезонников отличала военная выправка, которая свидетельствовала о давних и регулярных строевых занятиях с ними.

Жители Камчатки, приученные природными условиями региона к индивидуализму и расхлябанности, с большим удивлением наблюдали, как по команде «Становись!»

рабочие почти мгновенно выстраивались в ровные шеренги. Каждый японец, как хороший солдат, четко знал отведенное ему место. На работу сезонники выдвигались стройными колоннами, чеканя армейский шаг. Бригады состояли из 10-15 человек. Возглавляли их, как правило, бывшие, а возможно, и действующие унтер-офицеры. В каждом цехе 50-ю сезонника-ми руководил старший рабочий. В бараках японцы располагались в том же порядке, как и трудились. Когда бригадир или старший рабочий разговаривали с подчиненными, те стояли перед начальниками навтыжку.

Поражала скорость, с которой японцы покидали пароходы. Прибыв в конце мая на завод, расположенный вблизи Усть-Большерецка, около полутысячи рабочих с багажом покинули судно, вставшее к причалу, за какие-то 20-25 минут. Понятно, что такая четкость являлась результатом многодневных тренировок.

Руководил тренировкой заведующий ловом 2-го завода Оикава. Он обратил на себя внимание с первых дней появления на полуострове очевидными привычками и выправкой кадрового офицера. Вскоре эти подозрения получили фактическое подтверждение. Оикава начал учения с сезонниками в 3 часа утра. Рабочих поднимали по сигналу тревоги, грузили на кунгасы, с которых они затем высаживались на берег. За действиями сезонников Оикава следил с секундомером в руках. Погрузку и высадку с кунгасов отработали трижды.

Оикаву, несмотря на его относительно скромное официальное положение на заводе, японцы боялись. Рабочие неоднократно намекали сотрудникам Дальрыбы на особый статус заведующего ловом: «Большой началь-ник – майор!».

[...]

На промыслах существовала хорошо отлаженная система контроля и слежки за каждым. Велась соответствующая пропагандистская работа. Развешанные повсюду на территориях баз и заводов плакаты призывали: «Не болтай лишнего! Помни, что ты не на родине!». Этикетки на спичечных коробках, изготовленных по специальному заказу, изображали кулак с вытянутым указательным пальцем, что согласно существующим в Японии символам означало борьбу с иностранными шпионами.

[...]

На всех заводах и базах ежедневно бригадиры докладывали старшим рабочим о поведении подчиненных. И не только о чем-то предосудительном, но и о мелких отступлениях от привычного поведения – о чрезмерной задумчивости, замкнутости и т.п. Старшие рабочие, в свою очередь, информировали переводчиков. В круг служебных обязанностей последних, помимо производственных задач, входил сбор разведывательных сведений об СССР.

Старшие переводчики вели специальные тетради, в которые заносились даты появления советских представителей на японских предприятиях, подробные установочные данные на посетителей, фиксировалось, чем они интересовались, с кем общались. Рабочего или служащего, заподозренного в излишней откровенности с русскими, немедленно изолировали от остальных сезонников, часто жестоко избивали и с первым пароходом отправляли в Японию.

Японец Като Фуми, бежавший с 806-й базы, рассказывал о широко распространенной на концессиях практике физических наказаний. Избиения тщательно скрывались от глаз советских представителей. Обычно экзекуция состояла из чрезвычайно болезненных ударов бамбуковой палкой по пяткам, но использовались и другие методы физического воздействия.

Некоторый перелом наступит в следующем, 1943 году. Изменились и сами японцы. Их самурайский дух и вера в национальную исключительность под влиянием военных неудач и стремительного обнищания населения уступят место невеселым раздумьям и сомнениям. Начиная с 1943 года, некоторые японцы в инициативном порядке подставлялись под вербовку. Непременным условием подданных микадо являлось получение материального вознаграждения. Нищета заставляла искать любые способы заработка.

Снижение уровня жизни в Японии стало очевидным уже в 1942 году. Сезонников стали кормить гораздо хуже, чем в прошлые годы. Три раза в день для них готовился отварной пресный рис. Приправой к нему служила соленая редька. Риса с учетом того, что японцы находились на территории чужого государства, сезонным рабочим концессий выделялось гораздо больше, чем их коллегам на родных островах: 28 килограммов в месяц против 12.

Дважды в неделю рабочих «баловали» печеной рыбой и один раз – похлебкой. При таком скудном питании сезонники трудились по 16 часов в сутки, а в дни рунного хода рыбы продолжительность рабочего дня возрастала до 20 часов. Фиксировалась гибель японцев от истощения и непосильного труда. В путину 1942 года на Камчатке скончались около шестидесяти подданных микадо, более ста тяжелобольных отправили на родину.

В 1942 году значительно ухудшилось и материальное обеспечение администрации промыслов. Фирма перестала выдавать им шерстяные костюмы. Пиво полагалось только четыре бутылки в месяц. Снизили нормы даже по спичкам – по два коробка на тот же срок.

Летом 1942 года подданные микадо еще надеялись, что военное счастье вот-вот улыбнется им, и тогда товары из отвоеванных у Англии и Франции азиатских колоний прольются на них дождем изобилия. Но уже в следующем году иллюзии японцев окончательно оставят. Изменится отношение рабочих и служащих концессий к советским представителям. От наглости и нахальства японцев не останется и следа.